

Денис МАКУРИН

с. Холмогоры
Архангельской области

В ЯНВАРЕ

Два раза в год я гощу у бабушки с дедушкой в деревне. Деревенька у них хорошая, просто отличная. И я бы согласен в такой жить! А домики какие симпатичные! Как из сказки — ну просто избушки на курьих ножках. А знаете, сколько там зимой снега бывает? Очень много бывает. Тонны! И люди просто не знают, куда его деть, поэтому они так и живут с ним как ни в чём не бывало и просто по нему ходят. А какой он вкусный! Вы такого ещё не пробовали. Я бы каждый день его ложкой ел, но нельзя! Ангина привяжется или кашель, или повышенная температура.

А раз его есть не разрешается, я в этот снег обычно с сарайки прыгаю. Глубина мне где-то по грудь. Ну и, конечно, на санках с горы катаюсь, что ещё веселее. Бывает, так летишь с горы, как реактивная машина, со скоростью ветра, а внизу бугорок небольшой, и ты подпрыгиваешь на нём, как на трамплине. И вот санки летят в одну сторону, а ты в другую и, разумеется, головой — в сугроб, только ноги торчат и бултыхаются, потом не знаешь, как выбраться, и это очень весело!

Помнится, только этой зимой моя побывка в деревне скверно началась. В доме у бабушки с дедушкой большой прямоугольный стол стоит. Прямо посередине кухни. И кто его так поставил, уж я не знаю. Только, когда я с котом Кузей игрался, я об этот стол здоровенную шишку на лбу набил. Разбежался — и ка-ак дал! А деда — нет чтобы меня пожалеть, знай сидит и ухохатывается: «Хо-хо-хо! Поглядите-ка! Мишка-то наш какой большой стал! Под стол пешком не пролазит!» Усищи свои поправил и опять заливается: «Хо-хо-хо!»

А смешного-то ничего и нет: у меня — искры из глаз, шишка огромная выросла и слёзы ещё... И я не знаю, на кого больше обидеться, чтобы как следует разреваться: на стол, что не по делу посреди кухни поставили, или на деда, что надо мной насмеяется.

МАКАРОНЫ
ИЗ ТЮБИКА

рассказы

ДОБРЫЕ ДЕЛА
И ТИШИНА
В ЯНВАРЕ

Я тогда разом обиделся на всех, кроме бабушки, конечно, она-то у меня добрый человек. Кто-кто, а она сразу же смекнула, что стол виноват, и пожалела меня, и слёзы мне фартуком вытерла, и конфету дала. А столу и деду кулаком погрозила — всем досталось по справедливости.

Хорошо в деревне зимой, только иногда выпадают такие дни, что даже наш кот Кузя с печи не слазит и носа на улицу не кажет. А всё оттого, что морозы стоят жгучие. Бывает, выйдешь на чуть-чуть, плюнешь, а слюна, пока до земли летит, в льдинку превращается. И ты думаешь: «Да ну его! Так и нос отморозить недолго». И обратно домой бежишь — к печке погреться.

Вот и эта неделька в январе выдалась — дубак-колотун. На улице такой мороз стоит, что кедры как из пушки палят, а я дома сижу, и мне ужасно скучно, и играть совсем не хочется, да и из игрушек-то — девять деревянных кубиков, чтобы картинку складывать, лото и сабля.

Вот я и сижу уже полчаса на лавке, болтая ногой и прижав лоб к холодному стеклу. То на деда посмотрю сквозь окно: он флягой воду на санях в баню возит. То на муху между рам: та совсем не шевелится — померла, наверное, и, поди, тоже от скуки.

Прошло два часа, дед баню стотвил, и мы пошли париться. Только вам честно скажу, париться я совсем не люблю, потому что там жарко, как в пустыне Сахара, и уши горят, и горло, да и пить всё время хочется. А деда всё равно меня каждый раз на полок загонит и берёзовым веником отхвощет. И ведь я каждый раз пишу, что жарко, а он всё равно хвощет и покрикивает: «Терпи, атаманом будешь!» А я про себя думаю: «Ага, нашёл дурака, я-то знаю: чтобы атаманом стать, усы нужны и конь настоящий». Ну, а после того как намутузит меня вдоволь своим берёзовым веником, даст маленько на холоде отдышаться. Недолго, минутку всего — и снова в бой! Только на этот раз он меня уже мочалкой изводит, а как намылит, вот тогда-то всего меня, с ног до головы, из тазика водой и окатывает. Тёплая водичка из тазика — вот где настоящее блаженство! Я бы так всё время окатывался, хоть целый день. А после бани я бегом в дом, где меня бабуля встреча-

ет. Вот и в этот раз деда меня чуть не до дыр намыл, еле ноги унёс.

В общем, отдышался я уже в доме и сразу же за стол на скамью уселся. А там уже самовар на подносе стоит, видно — только вскипел, потому что парит, шипит, снизу угольки вываливаются. Бабушка мне чаю налила и снова к печи отошла блины печь. А под ногами у неё кот Кузя путается, хвост — трубой и трётся спиной о ноги, маяча то туда, то сюда.

К блинам по мискам угощение разложено. В одной — сметана, я её не очень люблю, она кислая какая-то. В другой — солёные грибы с луком — редкая гадость. В третьей миске — яйцо всмятку, и как его едят, мне до сих пор непонятно. А в самой красивой — земляничное варенье. Вот где настоящее угощение, и оно ближе всех ко мне.

Ах, какой от него аромат! Я сначала немножко пододвинул миску с вареньем поближе, чтобы было удобнее на него смотреть. Оно было такое красивое, что я не мог отвести от варенья взгляд. Затем я его долго-долго нюхал, кажется, целый час или минуту, пока голова не закружилась. И, наверное, я даже в обморок упал, потому что, когда я очнулся, то сидел почему-то с полной ложкой варенья во рту. Распробовав его, уже не мог удержаться: обмакнул кончик ложечки в варенье и облизнул её. А потом ещё раз — и снова облизнул, и ещё... Но от этого мне хотелось варенья ещё больше, а блины всё не остывали и не остывали. В конце концов, я не выдержал: не стал дожидаться блинов, а зачерпнул полную ложку и быстренько закинул в рот, пока бабушка и кот не видят. А чтобы не вызвать подозрения, как ни в чём не бывало начал фуськать горячий чай из блюдца.

А бабушка в это время переворачивает блин и, отпихивая кота ногой, кричит на него: «Брысь, окаянный, мышей ловить!» «Ага, сейчас он разбежится, как же!..» — возмущаюсь я, но не вслух, а про себя. Его один-единственный раз с мышью видели — и то это деда постарался. С той мышью забавная история вышла, я вам сейчас расскажу.

Деда тогда мышь дохлую из сарая приволок и возле кровати её положил, а рядом нашего спящего кота уложил. Бабушка из магазина с авось-

ками приходит, ни о чём таком не думает, у неё ведь дела поважнее есть. Вот ей бабушка из комнаты и кричит: «Галь, Галя! Поди-ка погляди! Ты кот-то нашего метлой гоняешь, кричишь на него, что бездельник! А выходит, что зря! Вон он на краю нашей кровати спал, с боку на бок переваливался да во сне на пол свалился, и прямо на пробежавшую мимо мышшь. Так насмерть её и зашиб, иди-иди, посмотри на добытчика с трофеем». Вот такая история.

Через пару часов уже все в бане намылись и чаю вдоволь напились. Тут дед встал, приобулся в валенки и пошёл баню закрывать, вдруг возвращается и, не разуваясь, кричит мне:

– Мишка, а ну одевайся скорей! Там такое началось!

Я соскакиваю со скамьи, бегу к дверям.

– Что там, дед?! Что началось-то?!

Надеваю штаны, валенки на тонкий носок, чтобы побыстрее, шапку, пальто, хватаю варежку, а в мыслях одно: «Только бы успеть!» Бабушка кричит: «Шарф надень, успеется ещё!» Какое там, я уже выбежал и хлопнул дверью.

Гляжу, дед на улице стоит, смотрит вверх, на что-то любитесь и как будто курит, от него целые облака пара прямо в небо летят. Я тогда тоже в небо посмотрел, а там такое, что и во сне не увидишь!

– О-го-го! Красота какая! А что это, дед? Космос?

– Полярное сияние.

– Здорово!

И я ещё долго смотрел на то, как светящаяся радуга расплывалась по ночному небу и, будто живая, куда-то всё время ускользала, а потом вспыхивала вновь и уже с новой силой. И я чувствовал, как с каждой новой вспышкой у меня что-то волнуется в груди, как будто что-то горячее проливается, и от этого становится очень-очень тепло внутри и весело. И вот сколько бы я ни смотрел на небо, я всё никак не мог насмотреться. Сколько ни пытался, а наволноваться и надышаться как следует не мог. Я уже подумал, что до утра буду так смотреть и волноваться. Только бабушка постучала в окно и домой позвала.

Когда я в избе забрался на печь, то от волне-

ния в груди долго не мог уснуть. Мне всё свеченное виделось: то ярко-зелёное, то алое, то фиолетовое с жёлтым. И я всё ворочался, и мне то жарко было, то жёстко, то дракон привидится. Ещё и возле печи кто-то шаборхаться начал. Я тогда под одеяло с головой залез, только пятки торчали, а сам думаю: «Вот чего я тут один, мало ли монстр какой за ногу схватит». Только подумал, а наш кот Кузя на печь запрыгнул и своим мокрым носом в ноги мне ткнул. Я так и пискнул, съёжился да живот в себя втянул и тут же с ног до головы пупырями покрылся, а крикнуть уже воздуха не хватило, потому что я его весь выдохнул. А кот по мне прошёл да на подушку возле головы улегся. Когтями подушку поцапал и песни замурлыкал. Я когда его мурчание услышал, тут же осмелел и вылез из-под одеяла, и подышал наконец-то как следует. А потом, погладив Кузю, я вдруг почувствовал, что мои глаза закрываются и мне очень хочется спать.

ВТОРОКЛАССНИК

В эти новогодние каникулы я снова отдохнул у бабушки с дедушкой в деревне. А этот отдых, вам честно признаюсь, мне по душе. Перед сном тебе читают сказки, а потом спишь сколько влезет, хоть до обеда. Ещё ты каждый день блинчики с вареньем ешь от пуза. И на санях с горы катаешься весь день «сломя голову», как говорит моя бабушка. А главное, бабушка — это единственный взрослый, у которого всегда найдётся минутка с тобой поболтать. У родителей одна забота: по телефону разговаривать да газеты читать. А бабушки, даже если заняты, всегда умеют тебя слушать.

Как-то бабушка присела на скамью возле печки и говорит: «Ох, и притомилась я сегодня. Годы уже не те, сил на всё про всё не хватает». Я тогда тоже играть перестал, присел рядом и говорю: «Понимаю, бабуль». Потом тяжело вздохнул: «Эээх!» Покряхтел немного, как она, и продолжил: «Мне же тоже сейчас нелегко. Ты просто не представляешь, насколько трудно быть второклассником. Нужно

рано утром вставать, носить за спиной огромный портфель, чисто писать в тетрадях, ещё домашнее задание делать каждый день».

А бабушка говорит: «Так уж и трудно?» А я говорю: «Ага, очень». А потом соскакиваю со скамьи и говорю: «Но ты не думай, бабуль! Школу-то я всё равно люблю, особенно каникулы! В школе все мои друзья, и Вовка тоже, мы с ним за одной партой сидим, а ещё там уроки и буфет. А в том буфете вкусный чай и пирожки с яблоками. Я таких пирогов с яблоками могу сразу же два съесть и не лопнуть. Уроки мне, конечно, тоже очень нравятся, я обычно на них сижу за партой и всё время что-то пишу или читаю, а иногда просто жду не дождусь перемены. Не знаю, почему, но перемены мне нравятся больше, чем уроки. Правда, они пролетают как одна секунда: «вжих!» — и нет переменки».

Потом я затылок почесал и добавил: «Вот бы перемены поменять местами с уроками. Было бы здорово. Было бы просто отлично! Я бы тогда школу полюбил ещё больше. И маме бы не пришлось стаскивать с меня по утрам одеяло и будить меня по пять раз. Я бы тогда сам вставал на час раньше или даже на два, чтобы уж наверняка успеть. Сам бы форму надевал и шёл бы учиться. А по дороге в школу не катался бы с ледяной горки на портфеле и не останавливался бы у всех киноафиш. А так бы и шёл прямо в класс и больше уже никогда не опаздывал бы на первый урок».

Ещё я очень люблю нашу учительницу Ларису Сергеевну. Она у нас очень умная, она всё-всё знает. И вот, когда Лариса Сергеевна начинает нам что-нибудь рассказывать, я всё время удивляюсь, откуда в ней столько знаний и как они там все помещаются. Сама-то она обычных размеров. Есть, конечно, у Ларисы Сергеевны один очень большой недостаток. Она мне вопросы такие задаёт, на которые я пока что не знаю ответа. И ведь она знает, что я не знаю, и всё равно задаёт. Из вредности, наверно.

Вот вчера, например, шёл урок по математике, и Лариса Сергеевна нам что-то рассказывала, но, видимо, не очень важное, потому что было скучно. А у нас с Вовкой в этот самый момент спор назрел, и откладывать на потом его было нельзя. Вот я и встал из-за парты, толкнул Вовку в плечо и как крикну: «Да как ты не

понимаешь! Бабочка без костей жить не может! Просто она очень маленькое животное, вот и кости у неё очень маленькие!» А Вовка кричит: «Нет у неё никаких костей!» А я опять его в плечо толкаю и уже не кричу, а ору, чтобы громче его было: «Говорят тебе — есть!» А он: «Вовсе нет!» А я кричу: «Вовсе да!»

И вот тут-то Лариса Сергеевна задаёт мне один из своих любимых вопросиков: «Миша, раз ты всё знаешь, может, ты мне скажешь, на сколько число девятнадцать больше шести?» А я, конечно, знаю, ведь не зря же во второй класс хожу, но вот от неожиданности как-то растерялся, что ли. Забыл. У меня в голове только про бабочку думается. И никакой приличной мысли. А Лариса Сергеевна ещё и поторапливает: «Мы ждём тебя, Воробьёв!» Я тогда глаза в пол опустил и говорю: «Всё знаю, и на сколько число девятнадцать больше шести, знаю, но пока что забыл», — и чувствую, что мои уши начинают краснеть. Тогда Лариса Сергеевна делает руки в боки и говорит: «А раз так, садись, слушай и не мешай мне вести урок». Ох уж мне эти вопросики, никакой спокойной жизни от них в школе нет.

А ещё я люблю физкультуру — вот где настоящий урок! Во время физкультуры мы обычно на лыжах катаемся. Я бы такой урок весь день проводил, вот было бы здорово! Катаешься с горок, веселишься полдня, и ничего что мороз, всё равно тепло, а иногда даже жарко, и шапку хочется снять. А снег на улице какой удивительный — в классе такого нет! Я сто раз замечал, стоит сделать шаг, как он в это время так интересно под ногами хрумкает, будто ты яблоко откусываешь. А ещё снежинки мерцают, подмигивают на солнышке и блестят тысячами огоньков. Но стоит только взять снег на варежку, как вдруг он обычным становится, белого цвета. Покачаешь его на ладони — и почувствуешь, какой он лёгкий, практически невесомый, как пух, или даже ещё легче. Я иногда вот думаю: «Ну до чего всё-таки странно... Снег такой лёгкий, а на небо не улетает».

А после физкультуры сразу же обед — его я тоже очень люблю. А кто не любит? Особенно компот. Мы его обычно с Вовкой наперегонки пьём. А последний урок любим не только мы, а даже наша учительница Лариса Сергеевна. Она

иногда сядет за стол, обхватит голову руками и думает о чём-то своём. Ей, наверное, тоже не терпится, перед тем как домой идти, с горки на портфеле покататься».

Тут бабушка рассмеялась и сказала: «Ох! Сколько всего! И правда, непросто». А я говорю: «Ага! Только это пустяки были. Самое-то трудное для второклассника начинается, когда домой приходишь. Ты портфель бросаешь и думаешь: «Ну всё! Отдых!» А потом оказывается, что никакой не отдых. Оказывается, надо домашнее задание делать, а оно, как назло, очень сложное и большое-пребольшое. Сначала я делаю уроки по чтению, потом письмо, а уж напоследок оставляю математику. Ох, и трудная она, уж я зубрю, зубрю и в уме складываю, а ей все нипочём. Иногда думаю, лучше бы я пиратский корабль нарисовал, чем целый час задачки решать. Вот хорошо, что у меня папа есть. Он по этим задачкам мастер, он прямо гроссмейстер, только не в шахматах, а среди задач. Он-то мне всегда подскажет, как начать думать, чтобы додуматься до того, как всё-таки её решить. Вот если бы не папа, я бы тогда точно пропал...»

И тут я подумал, что тоже могу помочь бабушке. Тем более ей не задачки решать нужно, а воды принести. Ну, я оделся и давай таскать. И натаскал. И воды натаскал, и дров, и снега на валенках. Правда, снег пришлось обратно выметать. А потом я во дворе в трактор играл. Расчищал дорожку до калитки лопатой. Мне было не трудно и очень весело. И тут я подумал: «Так вот зачем у бабушек внуки есть!» Бабушка бы одна точно не управилась. А тут я — получите, распишитесь. «Вжих! Вжих!» — всё размёл. «Чух! Чух!» — всё разгрёб. «Левой, правой! Два ведра! Правой, левой! В печь дрова!»

Вечером, когда дедушка пришёл с работы, мы дружно сели за стол и стали пить чай с ватрушками. Дедушка с бабушкой много шутили, и мы громко смеялись. Облизывая ложку с вареньем, я подумал: «Наверное, так, как я, должен стараться каждый, чтобы у всех детей были бабушка с дедушкой. Ведь это так здорово — просто сидеть с ними, смеяться и пить чай с ватрушками».

ЛУЖА

Сижу за столом, леплю из пластилина про то, как колобок лису объегорил и из леса обратно в деревню удрал. Вдруг слышу, что с улицы кто-то орёт: «Мишка, выходи гулять!» Я форточку открыл, а там Вовка стоит, рукой мне машет и снова орёт: «Мишка, погляди, красота-то какая, грязь кругом! Выходи, будем лужи мерить!» А мне как раз на днях мама купила синие резиновые сапоги. Вот я со стола всё быстро прибрал, потом шапку с пальто — под мышку и в свои синие сапоги — прыг, да бегом во двор, пока Вовка всё не перемерил.

А на улице стоял солнечный апрельский день, и, наверное, солнце светило с самого утра: снег почти весь уже растаял, только ручьи и остались. И вот от таких ручьёв вдоль нашего двора, от первого до второго подъезда, образовалась огромная лужа. Лужа размером с озеро, и, пожалуй, там могла бы жить рыба, возможно, даже небольшая акула, но вода в луже была какая-то мутная и по ней расплывались пятна бензина.

Я был уверен, что мои синие сапоги непотопляемы, как торпедные катера, потому что они новые. И уже почти дошёл до середины лужи, как по её краю проехала машина, подняв на воде волну. Волна была не очень большая, нормальная, но для моих сапог это была катастрофа, просто стихийное бедствие какое-то. Я и подумать ничего не успел, а вода уже сделала: «Хлюп!» А от того, что холодная вода залилась мне в сапоги, я из них чуть-чуть не выскочил и тут же закричал: «А-а-а! Как же можно так среди бела дня!» — и, не зная, как быть, погрозил уезжавшей машине кулаком.

Ещё чуть-чуть, и я бы пошлёпал домой по луже без сапог, но потом подумал: «Как же я в одних носках пойду, они же испачкаются! Да и Вовку одного оставлять нельзя, он без меня непременно в какую-нибудь историю вляпается», — в конце концов, я немного поёжился, сделал пару шагов и стал привыкать к тому, что в сапожках чавкает. А ещё через минуту такого чавканья вода в моих сапогах была уже тёплой, как у нас дома из-под крана, и я совсем перестал переживать на этот счёт. Решив, что всё в

порядке, я продолжил измерять сапогами глубину нашего водоёма и искать на ощупь, нет ли там чего интересного.

И всё бы ничего, только на следующий день я заболел. Доктор послушал меня, посмотрел мне в рот и сказал: «Всё ясно, молодой человек, у вас бронхит».

Нет, болеть-то, конечно, выгодно: тут и в школу ходить не надо, и читать необязательно, вместо этого играешь дома сколько хочешь, и сгущённого молока можно съесть сколько влезет, а если повезёт, то ещё и машинку заводную купят.

Но вот чего я не люблю, так это когда мама меня банками лечить начинает. Нет, мне нравится лежать и нравиться, как мама мажет мне спину вазелином. И запах горящего фитиля, и то, как банки присасываются, а потом чпокают, когда их снимают. Нравится, как мама заботливо укрывает меня одеялом и я тут же засыпаю. Ещё люблю на следующий день подойти к зеркалу и рассматривать там симпатичные кружочки на спине. А потом бегать по квартире из комнаты в комнату и кричать: «Я божья коровка! И-и-иго-го!» Очень здорово! А ещё — но это уже не так весело — люблю, когда поднялась температура, лежать на диване съёжившись и представлять, что я мухомор.

А вот что мне совсем-совсем не нравится, так это то, что мама каждый раз, когда их ставит, обещает поставить одну банку мне на язык, особенно если узнает, что я вру. А врать я тоже не люблю, но иногда мне просто приходится так делать, точнее, это получается само собой. Например, когда я съел полбанки черничного варенья, а вечером мама спросила, куда оно подевалось, я сказал, что днём заходила тётя, которая записывала показания счётчика, и что, возможно, это она съела, а не я. А я только две ложечки. Правда, при этом я думал, что будет, если придёт та самая тётя, а мама спросит у неё: «Зачем вы съели наше черничное варенье, когда приходили к нам в другой раз?» А у неё сделаются глаза, как у морского окуня, и она скажет: «Что вы, я не ела варенья уже целый год!» И они посмотрят вдвоём на меня и сразу же догадаются, что это я съел, потому что мои уши будут красные и щёки тоже. И мама сделает руки в боки, а потом

скажет строгим голосом, как у товарища милиционера: «Как тебе не стыдно, Миша! Ведь ты же меня обманул!» А мне будет стыдно, хоть провались на этом месте, но будет уже поздно. Она скажет: «Я же с тобой по-хорошему, я же тебя предупреждала!» И поставит мне банку на язык, а он так распухнет, что я больше никогда не смогу говорить, и мороженое есть не смогу, не смогу и облизывать ложку с мёдом или вареньем, а я его очень люблю.

Ещё у меня не получится дверную ручку облизать на морозе, а в нашем дворе уже все, кроме меня, её лизнули, и во второй класс меня не возьмут, потому что я не смогу повторить даже самую простую скороговорку. И космонавтом мне уж точно не стать, разве с распухшим языком скажешь: «Пять минут, полёт нормальный». Нет, сказать-то, конечно, можно, только никто же ничего не поймёт, что я сказал. И все на Земле будут переспрашивать: «Что он сказал? А вы слышали, что он сказал? Может быть, вы слышали?» И главный инженер разволнуется, нажмёт какую-нибудь не ту кнопку — тут-то мой корабль и сойдёт с орбиты. Полетит он тогда в неизвестном направлении и потеряется в космическом пространстве, а мне останется только скучать по маме да есть проклятые макароны из тюбиков до самой старости. И командиром батальона мне не быть, потому что с языком, который занял весь рот, не крикнешь командным голосом: «Равняйся! Смирно!» А ребята во дворе, как увидят меня, так скажут: «А ну-ка, Мишка, покажи свой язык!» А если я покажу им свою «лопату», то они и будут дразнить меня до одиннадцатого класса: «Врун! Врун!»

В общем, обманывать и юлить никакой выгоды! Все знают. Я тоже не буду. Уж лучше совсем без варенья жить, чем парить в невесомости, есть макароны из тюбика и скучать по маме.

ВАЖНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Окончив первый класс и болтаясь на каникулах без дела вот уже целых два дня, я никак не мог понять, почему мои знания никому не нужны.

Перед сном я поделился своими мыслями с папой. «Что я, зря на одни пятёрки учился? Я, между прочим, и читать умею, и семь минус три считаю в уме, и человек я из себя очень важный! — возмущался я. — На стройку меня не берут, а там ведь рук не хватает! Сторожем тоже нельзя, потому что ружья у меня нет. Я бы мог инженером или в лес пойти ёлки рубить — так нет, не берут! Говорят, сперва подрасти». Папа выслушал меня и сказал: «Действительно, непорядок. Завтра же возьму тебя к себе на работу, в автопарк. А сейчас спи».

Утром следующего дня, позавтракав бутербродами с чаем, мы отправились с папой в автохозяйство. Когда я зашёл в гараж, то первым делом увидел стоящий на ремонте самосвал. И в этот момент меня посетила мысль, что я непременно должен сесть в кабину и порулить. Как и положено шофёру перед отправкой в рейс, я обошёл самосвал вокруг, пнул по колесу и заглянул под кузов. Как мне показалось, поломки были незначительны. Во-первых, все колеса и бак, куда заливают бензин, были на месте. Во-вторых, кузов и кабина тоже были целыми и невредимыми. С большим трудом взобравшись на бампер, я заглянул и под открытый капот, а когда убедился, что мотор там, где и должен быть, я перебрался в кабину на водительское место.

В кабине всё было очень красивое: руль с надписью «ЗИЛ», длинный чёрный рычаг с набалдашником, приборы со стрелками, три педали и грязь на полу. Постучав пальцем по спидометру, я крепко взялся руками за огромный руль и, пытаясь его поворачивать то вправо, то влево, представил, что еду на стройку и везу долгожданный бетон. Но не успел я «проехать» даже по одной улице, пришёл папа и сказал: «Вылезай, мне нужна твоя помощь». Оказалось, что сегодня не вышел на работу его напарник, автослесарь Сергей Иванович, а без него папа как без рук.

Нам предстояло починить большой красный автобус. Сначала я помог размотать длинные, похожие на макаронины, чёрные кабели для сварки. Затем я с грохотом пододвинул шкаф на колёсиках, из которого торчали различные инструменты. После чего встал возле него и закатал рукава рубашки выше локтя, готовый в

любой момент подать необходимый гаечный ключ. Папа в это время спустился в смотровую яму и прошёл до середины автобуса.

Уже, наверное, около часа гудел сварочный агрегат и сыпались искры из-под автобуса, но моя помощь всё ещё не требовалась. Тогда я решил напомнить о себе и прошёл несколько раз вдоль автобуса, туда и обратно, громко топая сандалиями по бетонному полу. После чего наклонился и прислушался, но, кроме стука молотком по железу, ничего не услышал. Постояв ещё немного и поразмыслив, я решил, что, скорее всего, уже пора начинать помогать, иначе может быть слишком поздно. Поэтому я стал предлагать папе по очереди весь инструмент, который находился в том шкафу на колёсиках: то гаечный ключ подсуну, то пассатижи. А к тому времени, как я перебрал весь ящик, уже очень устал помогать и решил немножко погулять.

Оглянувшись по сторонам, заметил открытую дверь автобуса, зашел в неё, сел на водительское кресло, чтобы порулить, но стоило мне только пристроиться поудобнее, как я откинулся на спинку и уснул.

Как только я закрыл глаза, то тут же увидел, что еду за рулём этого красного автобуса из Архангельска в Хабаровск. И еду я по серой асфальтированной дороге с белой полоской посередине, а за окном мелькают ёлки с шишками, амурские тигры, грибы и белки, и снова тигры — и такие у них красивые морды, не морды прямо, а лица! Но не доехал я до Хабаровска каких-то двадцать километров: у автобуса спустило колесо — и я проснулся.

Вышел я из кабины, потянулся как следует, а затем заглянул под автобус и прислушался. Папа по-прежнему был на своём месте и, кажется, даже не заметил, что я ездил в Хабаровск. Спустя ещё какое-то время я уже стоял возле большущих тисков и елозил напильником по зажатой в них трубе. Ещё через две минуты я вышел на улицу, где нашёл брошенную шину от легкового автомобиля. Я очень обрадовался своей находке, потому что у меня никогда не было своей личной настоящей шины — ни разу в жизни. Я сразу же представил, что работаю таксистом на жёлтой «Волге» с шашечками на дверях, после чего стал катать шину по всему автопарку, напевая вслух песню:

«Там, где вековая лежала пыль, свой след оставил автомобиль...»

Так незаметно мой рабочий день подошёл к концу. Перед уходом из гаража я для важности дела и чтобы было о чём рассказывать ребятам прихватил с собой большой ржавый болт, который лежал в огромном ящике с разными железными кругляшками и шариками. После чего решил ещё разок посмотреть на автобус и самосвал, и на весь этот красивый гараж целиком с его запахами бензина и моторного масла.

А когда я обходил автобус, то заметил, что одно колесо у него и впрямь спустило, о чём я, конечно же, рассказал папе. Папа меня похвалил и сказал, что не зря взял меня с собой, что я действительно важный человек и если бы не моя внимательность, то автобус не вышел бы вовремя в рейс. После чего нам пришлось немного задержаться, чтобы заменить колесо. А потом папа пошёл мыть руки с хозяйственным мылом, я же, наоборот, спрятал их в карманы и сказал, что уже помыл. Разве зря я их пачкал мазутом на протяжении всего дня?

А уже вечером, дождавшись, когда все ребята, игравшие во дворе, соберутся вокруг песочницы, я начал подробно и громко рассказывать о том, как благодаря мне и моему папе пассажирский автобус вышел в рейс. И что он уже везет людей из города, при этом показывая всем по очереди свои испачканные руки и тот самый болт. Говорил, что если бы не мои знания и образование, то, скорее всего, пассажиры так и стояли бы на автостанции всю ночь. А Семён мне сказал: «Большое спасибо!» А я сказал: «Пустяки». А он ответил: «Вовсе нет, потому что в этом автобусе едет моя бабушка к нам в гости».

ДОБРЫЕ ДЕЛА

Дело было в начале сентября. Погода отличная, уроки закончились, мы, весёлые и беззаботные, выбежали из школы, побросали портфели в одну кучу и расселись на качелях. Я — с краю, Юлька — посередине, а следующий — Вовка.

— А я вчера собаку с соседнего двора накормил, — начал Вовка.

— Какую ещё собаку? — спросила Юлька.

— Обыкновенную голодную собаку. Порода — немецкая овчарка, — пояснил Вовка и тут же продолжил: — Я иду, она — за мной. Я — за угол, а она тут как тут. И хвостом машет, машет. А я по глазам вижу, что она голодная. Неделю не ела или даже две. Так мы шли-шли и до моего подъезда дошли. Я ей говорю: «Сидеть, Актай! Жди! Я сейчас», — а сам бегом домой. В холодильнике смотрю: бутылка кефира, кастрюля макарон и котлеты на сковороде. Думаю, собаки кефир не пьют, тем более из бутылки, макароны мама приготовила на ужин, а вот котлеты — другое дело. Сколько было их, штук шесть, все переложил на тарелку и вынес во двор. Моя чужая собака с соседнего двора им очень обрадовалась. Она сначала громко залаяла, потом долго их нюхала и всё ходила вокруг тарелки, видимо, не верила, что это всё ей. Ну, а нанюхавшись, она их облизала и как-то разом все проглотила, только тарелка и осталась.

— А меня мама с папой тоже всегда учат делать добрые дела, — продолжила Юля. — Оказывается, они могут быть совсем не трудными. Вот на прошлой неделе, например, я решила навести порядок в комнате и прибраться как следует. Посмотрела я на комнату от начала до конца, покачала головой и сказала: «Ну и беспорядок», — прямо как мама. Затем я открыла дверцу шифоньера и стала в него всё складывать. Я подняла с полу все кубики, которыми играла, фломастеры с раскраской, книжку со сказками, скакалку и про детскую посуду не забыла. После этого в шкаф я положила плюшевого зайца и свою любимую куклу Люсю, которые сидели на диване. Места в шкафу ещё было очень много, и я запихнула туда свой портфель и пылесос, который стоял в углу комнаты. Потом мамину книжку про любовь и папину газету «Правда», оставленные на журнальном столике. А ещё в шкаф вошли будильник, шкатулка, небольшое зеркало, бусы и кружевная скатерть с комода. Радиоприёмник с подоконника и ваза со стола. Вещей вошло очень много, больше, чем у мамы, правда, мне пришлось подпереть дверцу шкафа стулом. Ну так, на всякий случай.

Маме моя уборка очень понравилась. Мама

так и сказала папе, когда они вечером пришли с работы: «Батюшки мои! — и она всплеснула руками. — Юр, ты только глянь». А папа так вообще сказал: «Ну-у-у, Юль, ты даёшь! Мы теперь тебя освобождаем от уборки на целый год».

Это было в среду, а в четверг я решила приготовить ужин. Побаловать маму с папой блинчиками. Во-первых, делать их проще простого, я сто раз видела, как мама их печёт. А во-вторых, там и нужно-то муку, молоко и пару яиц. Так вот, надела я мамин фартук, достала бумажный пакет с мукой из шкафа, правда, пока пересыпала муку в стакан, просыпала немножко мимо. Половину пакета, не больше. Выложила два куриных яйца из холодильника на стол и только отвернулась, чтобы собрать муку, как одно яйцо скатилось со стола на пол. Ладно, думаю, с яйцом я потом разберусь. Добавила всё в одну кастрюлю: молоко, соль, сахар, яйцо, стакан муки. Всё взбила ложкой, как положено, очень старалась, даже брызги летели. Не сильно, конечно, и на занавесках почти не заметно. Тесто приготовила, включила плиту, поставила сковородку на огонь и жду, когда нагреется. А как дым пошёл, ну, думаю, всё, пора, и начинаю лить тесто на сковородку. Правда, половина льется на плиту, дыма-то много, сразу же не разберешь, где и что. Только налила, а блин вроде уже го-

тов, пора переворачивать. Пока переворачивала, палец обожгла, а про себя думаю: в следующий раз я лучше пирог испеку. Его, пожалуй, в два раза легче печь, переворачивать-то не надо. Ну, а как первый готов, я снова лью на сковородку. Ну, и на пол немного и на кошку чуть-чуть, я же не видела, что она под ногами крутится. Напекла я целую кучу блинов: солёных и сладких, горелых и мятых. И все были счастливы, особенно мама. Она прямо так и сказала, когда нашу кошку отмывала: «Что бы я, Юля, без тебя делала? А?»

— Мишка, а ты что молчишь? — спросил меня Вовка. — Какие добрые дела ты за неделю сделал?

— Не знаю. Мне кажется, мои дела не такие большие и важные, как ваши, — ответил я. — Мне только попалась бумажка по пути в школу, я подобрал её на улице и выбросил в урну. А ещё я отдал свою конфету малышу, который упал и громко плакал.

— А мой папа говорит: «Чтобы все люди вокруг были счастливые, можно делать и маленькие дела, но обязательно хорошие», — добавила Юля.

□

Денис Владимирович МАКУРИН

родился в 1981 году в посёлке Каменка

Мезенского района Архангельской области.

Литературным творчеством увлёкся недавно.

Пишет рассказы, в основном о детях и для детей.

Публиковался в журнале «Двина»

и других периодических изданиях

Архангельской области.

Живёт в селе Холмогоры Архангельской области.

В журнале «Север» публикуется впервые.

